

УДК 82-1

И.И. НАУМЦЕВ
(Волгоград)

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Е.И. БЛАЖЕЕВСКОГО

Исследована чеховская традиция в поэзии Е.И. Блажеевского. Выявлена общность мотивов природного цикла в лирике поэта XX в. и в прозаических произведениях писателя XIX столетия, обусловленная общностью национального менталитета.

Ключевые слова: лирика, Е.И. Блажеевский, А.П. Чехов, традиции, образы природы.

IVAN NAUMTSEV
(Volgograd)

THE MOTIVES AND IMAGES OF CHEKHOV IN THE LYRICS OF E.I. BLAZHEEVSKIY

The article deals with the study of Chekhov's tradition in the poetry of E.I. Blazheevskiy. There is revealed the integrality of the motives of the nature cycle in the lyrics of the poet of the XXth century and in the prosaic works of the writer of the XIX century, conditioned by the integrality of the national mentality.

Key words: lyrics, E.I. Blazheevskiy, A.P. Chekhov, traditions, nature images.

Традиции А.П. Чехова в русской поэзии XX в. не раз привлекали внимание исследователей. К этой теме обращались А.Г. Бондарев [4], М.Ч. Ларионова [10], Н.Е. Тропкина [12]. Изучение трансформации определённых мотивов и образов малой прозы А.П. Чехова в поэзии Е.И. Блажеевского вызвано желанием исследовать проблему преемственности традиций писателя-классика в лирике «поэта-семидесятника», интерес к произведениям которого в последние годы возрос.

Интересным в этой связи является образ степи, который у А.П. Чехова чаще всего выполняет функцию «ландшафта настроения»: «будучи фоном действия чеховских рассказов и повестей, степь неизменно вырастает в них до целостного образа, наполняющегося глубоким философским содержанием. Поэтому настроения и философские раздумья героев при созерцании степи становятся устойчивыми компонентами ее образа в произведении» [9, с. 146]. Евгений Блажеевский в своих стихотворениях, изображая степь, регулярно использует параллелизм, причём степь в этой связи является неизменным маркером двух состояний: лирическому герою либо жарко в полуденной степи («Шмелёв»: «Дышала степь и горячо, и сухо» [3, с. 98]; «Урал»: «Исципан воздух весь, похожий на золу, / Бежит волчицей степь...» [Там же, с. 53]; «Постскриптум»: «...степью, что ветрами сожжена» [Там же, с. 237]), либо холодно в ночной («Чувство покоя»: «Холодная дикая степь, / Что руки ее ледяные...» [Там же, с. 53]).

Также частотными образами в поэзии Е.И. Блажеевского являются метель и вьюга, традиционно в литературе маркирующие пространство отчуждённости героя. При этом мотив холода, для которого характерны данные образы, неразрывно связан в творчестве Е.И. Блажеевского с мотивом странствия во времени, осознанием (с точки зрения героя) своих координат в рамках человеческой истории. Интересно в этой связи стихотворение «Воспоминание о метели», которое переключается с рассказом А.П. Чехова «Студент». В экспозиции произведения автор создаёт атмосферу неуютной пустоты, окружившей героя с исчезновением тепла, что подчёркивается резко наступившей безжизненной тишиной, ощущением одиночества: «Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдино. Запахло зимой» [15, с. 121–122]. Неслучайно К.А. Кочнова также отмечает, что в рассказах А.П. Чехова «выявляется ассоциативная связь холода, одиночества и смерти» [8]. Так же внезапно и бескомпромиссно холод и одиночество настигают лирического героя «Воспоминания о метели»:

Мокрый снег. За привокзальным садом
Темнота, и невозможно жить,
Словно кто-то за спиной с надсадом
Обрубил связующую нить.
Мертвый час... [2, с. 112].

Даже процесс замерзания и сопутствующие мысли лирического героя представлены с особым вниманием к деталям, которые также присутствуют в рассказе А.П. Чехова: описание замёрзших рук и лица («Мерзнут руки, промерзает взгляд...» – в стихотворении [2, с. 112], и «У него заковенели пальцы, и разгорелось от ветра лицо» – в рассказе [15, с. 121]), ощущение разобщённости, потери согласия и отчасти одиночества («Что-то волчье есть в моей дороге – / В темноте да на ветру сквозном!...» [2, с. 112] – в стихотворении, и «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» – в рассказе [15, с. 121]). Наконец, оба героя осознают себя через временную координату: «И теперь, пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрикe, и при Иоанне Грозном, и при Петре» [Там же, с. 124] – пишет А.П. Чехов; «Вдоль пустынных улиц Оренбурга / Я бреду, как двести лет назад» [2, с. 112] – как бы вторит ему лирический герой Е.И. Блажеевского. Оба героя не хотят идти домой, оба размышляют в холодном пространстве и оба находят удивительно схожие тёплые мысли, согревающие их. Иван Великопольский осознаёт вневременное единение человечества, которое является чем-то большим, чем просто преемственностью поколений. Об этом также говорит исследователь творчества писателя В.Б. Катаев: «<...> «Студент» (отчасти – “Дама с собачкой”), полностью посвящены преодолению разобщённости, нахождению общего и единого понимания вещей и явлений» [7, с. 326]. Понимание того, что «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле» [15, с. 123], согревают душу молодого студента, уже не обращающего внимания на суровый холод. Вероятно, такую же теплоту ощущает лирический герой стихотворения «Воспоминание о метели»:

Но, уйдя в скорлупы да в тулупы,
Жизнь течет в бушующей ночи.
Корабельно подвывают трубы,
Рассекают стужу кирпичи.

И приятно мне сквозь проклятуший,
Бьющий по лицу колючий снег
Видеть этот медленно плывущий
Теплый человеческий ковчег... [2, с. 112].

При этом оба произведения наполнены христианским пониманием времени и единения человечества: если в рассказе А.П. Чехова христианские мотивы и образы выводятся на первый план, то в стихотворении Е.И. Блажеевского к ним отсылает образ объединяющего «человеческого ковчега». Следует заметить, что подобные мотивы и образы, перекликающиеся с рассказом А.П. Чехова «Студент», встречаются у поэта довольно часто. Так, например, в стихотворении «Октябрь» образы холодного ветра и «унылого» дождя также создают пустое и «обезжизненное» пространство, в котором лирический герой ощущает не только одиночество, но и неумолимый бег времени:

Когда вокруг пугает пустота
И кажется, что время убывает,
Когда в пространстве правит простота,
С которой холод листья убивает, <...>
Я в комнате своей сижу один... [3, с. 150].

При этом в начале стихотворения время воспринимается героем как что-то личное, именно потому он печален, что подчёркивается с помощью параллелизма (холодный ветер, «унылый» дождь, «согбенная» берёзка и т. д.). Однако в последних четверостишиях высказывается неожиданное, на первый взгляд, заключение: «Но все-таки приятен этот вечер...» [3, с. 150]. В этих строках становится понятно, что фокус мысли лирического героя переходит с времени «личностного», на время всеобщее, характеризующее бесконечность не только природы, но и человечества: «А дождь идет, и нет ему конца, / И нет конца житейской круговерти» [Там же].

Важно более подробно рассмотреть образ корабля в поэзии Е.И. Блажеевского, который почти всегда, как бы выражая преемственность литературных традиций, символизирует жизнь в её человеческой общности. При этом «корабль» в творчестве поэта чаще всего выступает проводником отрицательных коннотаций – исключением является вышерассмотренный «ковчег» – что (но не только это) позволяет провести сопоставительный анализ по данному признаку стихотворения Е.И. Блажеевского «От мировой до мировой» [3, с. 77] и рассказа А.П. Чехова «Гусев» [13, с. 76–90]. Н.В. Капустин замечает, что «образ плывущего в Одессу парохода в рассказе А.П. Чехова символизирует жизнь с ее социальной полярностью, жесткостью, неопределенностью движения, приводящего, однако, человека к известному неизбежному итогу» [6, с. 24]. Это же, на наш взгляд, справедливо, с некоторыми оговорками, и для «корабля» в стихотворении Е.И. Блажеевского «От мировой до мировой». В нём поэт подводит итоги XX века, ужасаясь главной интенцией человечества в этот период:

И вот совсем немного лет
Осталось до скончанья века,
В котором был один сюжет:
Самоубийство Человека [3, с. 77].

Именно этот век сравнивается здесь с кораблём, что само по себе является художественным штампом, к которому поэт сознательно прибегает, чтобы подчеркнуть своё разочарование в «ничтожном» веке. У А.П. Чехова в рассказе «Гусев» данный образ, безусловно, становится развёрнутой метафорой жизни, вбирая в себя не только общие экзистенциальные, но и более частные (например, социальные) аспекты человеческого бытия. Писатель создаёт атмосферу безысходности, ужаса, окутавшую идущий в темноту корабль. Заметим, что повествование идёт от лица главного героя, а после его смерти рассказчик повествует как бы находясь внутри пространства корабля в то время, как лирический герой Е.И. Блажеевского наблюдает за кораблём со стороны, провожая век:

Но я, смотря ему вослед,
Пойму, как велика утрата.
И дорог страшный силуэт
Стервятника
в дыму заката!.. [Там же].

Однако в обоих случаях корабль везёт военных: пароход с отставными больными – в рассказе, и эсминец – в стихотворении. При этом поэт, в отличие от А.П. Чехова, открыто выражает своё отношение к данному образу, используя яркие эпитеты и разговорную лексику:

И если образ корабля
Уместен в строчке бесполезной,
То век - корабль, но без руля
И без царя в башке железной [Там же].

Объединяет эти, на первый взгляд непохожие, вариации одного образа соотнесённость с мотивом (именно мотивом) смерти: в рассказе «Гусев» подробно описывается процесс «избавления» от трупов на примере не только главного героя, но и его попутчиков; в стихотворении автор также акцентирует на этом внимание:

В кровавой пене пряча киль,
Эсминцем уходя на Запад,
Оставит он на много миль
В пустом пространстве трупный запах [3, с. 77].

Так, образ корабля в данных примерах используется как метафора человеческой жизни (в стихотворении – жизни в XX в.). Оба автора с большим вниманием к художественным деталям с его помощью обращаются к мотиву смерти: у Е.И. Блажеевского – как к ужасному уроку своего века, у А.П. Чехова – как к неотвратимому итогу жизни.

Наконец, пожалуй, самым частотным в творчестве Е.И. Блажеевского является мотив «жизнео-конченности», когда поэт через лирического героя подводит итог жизни, задаваясь при этом философскими вопросами, размышляя на метафизические темы человеческого бытия. При этом данный мотив неизменно связан у поэта с чувством разочарования в прожитой жизни и мироустройстве. Подобные мысли посещают, хотя и в нарочито иронической манере, главного героя рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» Иванова Якова Матвевича [14, с. 475–483]. Яков, похоронив супругу и осознавая свою скорую кончину, размышляет о неустроенности своей судьбы и жизни в целом. Следует заметить, как органично А.П. Чехов выводит читателя на размышления о важных экзистенциальных вопросах, отталкиваясь от картины быта: «искусство подняться от прозы подчеркнуто будничного существования к философским обобщениям является, видимо, одним из главных секретов всей чеховской художественной системы» – замечет Г.П. Бердников, исследователь творчества писателя [1, с. 131]. В этих размышлениях скупого, одержимого одной лишь упущенной выгодой героя, звучат важные вопросы: «впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад – там ничего, кроме убытков, и таких страшных, что даже озноб берет. И почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков? <...> Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? Зачем Яков всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки!» [14, с. 479]. Подобные размышления выражаются лирическим героем венка сонетов Е.И. Блажеевского «Осенняя дорога». Следует сразу же оговориться: лирический герой данного венка сонетов является выражением авторского «Я», поэтому его мысли отмечены большей глубиной и метафоричностью, чем у главного героя «Скрипки Ротшильда». Однако общая мыслительная интенция героев – подведение итогов жизни, ощущение её неустроенности и неудовлетворение прожитой судьбой – выражаются с помощью схожих образов. Так, например, в рассказе А.П. Чехова Яков хоронит супругу, а после заболевает и умирает в начале мая – герои не доживают до старческого «лета», когда можно наслаждаться жизнью, никуда не спеша. Лирический же герой в произведении Е.И. Блажеевского (действие происходит поздней осенью) горюет об утраченном «лете»:

Захотелось щекою к продрогшей природе припасть
И вдогонку тебе, моя жизнь, прошептать: «Почему же
Растеряла июньскую удаль и августа пышную власть?..» [3, с. 240]

Это выражается и в прямой речи: «Жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку» – говорит Бронза. В стихотворении же звучит печальный вывод: «Никому не дано этой жизнью насытиться всласть, / И судьба на ветру воробьиного клюва короче» и «И тогда я увидел за черной чертой переезда, / Что тоскуют поля и судьба не совсем удалась...» [Там же]. Примечательно, что оба героя осознают, хоть и в разной мере, своё одиночество, находясь при этом в браке. Однако герой Е.И. Блажеевского видит в своём супружестве навязанные судьбой и долгом ограничения:

Где семейный сонет исключил холостяцкий верлибр,
Там округлая форма реки, заточенной в трубу.
И по ней не плывут корабли, а ленивые рыбы
Не стоят косяком, на крючок направляя губу.

И течет твоя кровь, в темноте замедля движенье,
По гармошкам бормочет, стоящих в дому батарей,
И семью согревает железное кровоснабженье,
Целиком поглощая все замыслы жизни твоей [3, с. 240].

В то время как Яков сам является причиной своего одиночества, т. к. именно он отчуждённо и грубо общается (или вернее сказать взаимодействует) с женой: «для мира, в котором живут чеховские герои, полного дисгармонии, “ярлыков”, социальных и психологических барьеров, “общих идей”, потерявших всякий кредит, само общение становится проблемой» [11, с. 172]. При этом все его «замыслы жизни» уместаются в тетрадь, куда он записывает свои убытки. Следует отметить, что в венке сонетов «Осенняя дорога» используется более характерное поэтике данного произведения синоним нарочито сухого и безжизненного слова «убытки» – «потери»:

И тебе самому твой угрюмый характер несносен;
Только как разобраться в потерях и кто виноват? [Там же].

Кроме того, нельзя не сказать о важной мысли, высказанной А.П. Чеховым в рассказе «Скрипка Ротшильда»: «Герой «Скрипки Ротшильда», наделённый музыкальным даром, сочинил перед смертью мелодию, в которую вложил свои недоуменные, и печальные вопросы; в исполнении другого музыканта она звучит так уныло и скорбно, что слушатели плачут. Растревоженная душа пробудившегося человека продолжает жить в искусстве и будит беспокойство в людях» [5, с. 188]. Искусство это, изображённое в виде музыки в рассказе, очевидным образом становится мыслеструктурирующим мотивом в венке сонетов, где лирический герой даже рассуждает о своей жизни, используя характерные метафоры и сравнения: «Что тоскуют поля и судьба не совсем удалась, / Запишу на полях своей повести небезупречной, / Где нескладный герой, от засушных забот удалясь, / Пребывает в тоске и бессмысленной муке сердечной», «И душе тяжело состоять при раскладе таком, / Где семейный сонет исключил холостяцкий верлибр», «И слова из романа: “Мне некуда больше спешить...” / Так и хочется крикнуть в петлистое ухо шофера» и т. д. [Там же]. Наконец, вывод о глубоком синкретизме подлинной жизни и искусства, высказанный А.П. Чеховым, подтверждается на практике историей венка сонетов Е.И. Блажеевского «Осенняя дорога», чей магистрал благодаря своей искренности и напевности был положен на музыку, став знаменитым романсом «По дороге в Загорск», от которого до сих пор «слушатели плачут».

Таким образом, в поэзии Евгения Ивановича Блажеевского присутствует множество мотивов и образов, характерных для прозы Антона Павловича Чехова. Зачастую данные мотивы и образы сильно видоизменяются в лирике поэта: более всего это заметно в отношении автора (через отношение лирического героя) к изображаемым образам, которое выражается в использовании эмотивной лексики, что характерно для поэзии Е.И. Блажеевского.

Литература

1. Бердников Г.П. Социальное и общечеловеческое в творчестве к Чехова // Вопр. лит. 1982. № 1. С. 131.
2. Блажеевский Е. Воспоминание о метели: стихотворение // Башня: альманах / редактор Вячеслав Моисеев; науч. ред. Л. Бураков; Союз российских писателей, Оренбургское региональное отделение, Союз литераторов Оренбуржья. Оренбург: ОГИМ, 2006. С. 112.
3. Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015.
4. Бондарев А.Г. Мифологема «Вишневый сад» в поэзии Т. Кибирова // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 5. С. 49–53.
5. Бялый Г.А. Антон Чехов // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1980–1983. Т. 4. С. 177–210.
6. Капустин Н.В. О библейских цитатах и реминисценциях в прозе А.П. Чехова конца 1880–1890-х годов // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М.: Наука, 1993. С. 17–26.
7. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979.
8. Кочнова К.А. «Пейзаж-метель» в языковой картине мира А.П.Чехова // Электрон. науч.-практич. журнал «Филология и литературоведение». 2015. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://philology.snauka.ru/2015/03/1151_ (дата обращения: 10.01.2022).
9. Криницын А.Б. Семантика образа степи в прозе Чехова // Молодые исследователи Чехова. М.: Изд-во Московского университета, 1998. Вып. 3. С. 145–146.

10. Ларионова М.Ч., Тропкина Н.Е. «Чеховская декорация»: «Вишневый сад» в русской поэзии XX – начала XXI века // *Annales instituti slavici universitatis debreceniensis Slavica XLIX*. Debrecen university press, 2020. С. 75–83.
11. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
12. Тропкина Н.Е. Каштанка в прозе и поэзии // *Личная библиотека А.П. Чехова: литературное окружение и эпоха: сб. материалов междунар. науч. конф. (г. Таганрог, 14–15 сент. 2015 г.)*. Ростов н/Д: Foundation, 2016. С. 231–237.
13. Чехов А.П. Гусев // *Авторский сборник «Дама с собачкой»*. М.: АСТ, 2015. С. 76–90.
14. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда // *Авторский сборник «Человек в футляре. Избранное»*. М.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 475–483.
15. Чехов А.П. Студент // *Антология антологию «МиМические свитки»*. М.: Паровая типолитография А.А. Лапудева, 2020. С. 121–124.